

АЛЕКСАНДР ВЕРГЕЛИС

ВОССТАВШИЙ ИЗ ТЕКСТА

Александр Невзоров как литературный персонаж

Полагаю, что столь настойчиво декларируемая Александром Невзоровым “глухая ненависть” к художественной литературе объясняется не только его застарелой привычкой эпатировать публику. И подпитывается эта ненависть не одной лишь приверженностью недоучившегося гуманитария дисциплинам естественно-научного цикла, приверженностью вполне религиозной, даже сектантской, яростно отрицающей любое инакомыслие, в данном случае – всю и всяческую гуманитарщину, будь то история, богословие или упомянутый выше худлит. Воинствующий невзоровский антигуманитаризм настолько радикален, что возникают подозрения в искренности его носителя, но дыма без огня, как известно, не бывает. Словом, есть основания полагать, что Александр Глебович не любит художественную литературу вполне искренно.

Так искренно, так нежно не любить можно только что-то очень близкое, кровнородственное. Столь неистово ненавидеть “фикшен” может тот, кто есть плоть от плоти текста, кто сам является текстом.

За Дмитрием Быковым числится теория литературной реинкарнации: писатели и поэты не умирают насовсем, а воплощаются в новых обликах, обретая двойников в литераторах следующих поколений. Теория эта применима не только к писателям, но и к их героям. Только не всегда литературный персонаж обитает в пространстве текста. Он может оттуда выходить и *вочеловечиваться*, как показал Николай Бердяев в книге “Духи русской революции”, столь популярной в перестроечные (можно сказать – исконно невзоровские) годы. “Многое старое, давно знакомое является лишь в новом обличье... Бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России и играют в ней немалую роль”, – рассуждает философ о духах, точнее – о *мелких бесах* русского бунта.

Итак, представим себе литературного героя, чудесным образом покинувшего страницы романа и сумевшего притвориться реальным человеком из крови и плоти. Само существование мира художественной прозы для него, сбежавшего в мир объективной реальности, – мучительное напоминание о его истинной природе, о покинутой и отвергнутой им прародине. Отсюда, вестимо, и фобия, проявляющаяся в беспрестанной вербальной агрессии по отношению к изящной словесности.

Особенно достаётся от Невзорова русской классической литературе. Не иначе потому, что именно в ней, как в зеркале, отчётливо отражается его нынешний медийный облик. Понятно желание ударить по этому зеркалу так, чтобы “брызги засверкали”. Например, выдать следующий перл: “Прыщавая тринадцатилетняя девка из провинции хочет быть оттраханной городским щёголом”¹. Это – о Татьяне Лариной. Если кто не в курсе – героине романа в стихах, который написал “несчастный глупый Пушкин”².

Литература отучает видеть причинно-следственную связь, заявляет Невзоров³. “Что портит речь и мышление? Прежде всего, художественная литература”⁴, – рассуждает мэтр. Если всё это говорится не ради того, чтобы фразировать “филологических дам”, а всерьёз, то мы вправе воскликнуть: неужели он не понимает разницу между мыслью научной и мыслью художественной? А если действительно не понимает? Да и есть ли у него адекватное представление о предмете рассуждения? “Вся русская литература имеет отчётливый, навязчивый великодержавный подтекст с культом солдафонов”, – уверяет Невзоров читателей журнала “Сноб”⁵. Утверждение, мягко говоря, спорное, особенно если учесть, что литература в XIX веке была для России, лишённой развитых институтов гражданского общества, своего рода парламентом, предоставляла политическим вольнодумцам единственную более или менее открытую трибуну. Обвинять в “великодержавии” можно отдельных авторов в отдельные моменты их жизни, но не литературу, вскормившую на своих идеалах несколько поколений революционной интеллигенции.

Романное многословие, по Невзорову, объясняется ничем иным, как сребролюбием авторов. На вопрос, почему в прозе мысль “размазана на множество страниц”, зачем литератор вводит в повествование множество персонажей, ответ предельно простой: потому что романисту платят построчно, а настоящий мыслитель мыслит лаконично. Как бы то ни было, не лаконичные мыслители, а именно словоблуды-писатели описали ту архаическую породу людей, “типичным представителем” которой ныне выглядит Александр Невзоров. Портрет героя отлично знаком нам по школьной программе. Речь не о персонаже сатирической повести Алексея Толстого “Похождения Невзорова, или Ибикус”, хотя авантюризм и беспринципность бухгалтера дорожной конторы Семёна Ивановича Невзорова роднит его со знаменитым однофамильцем. Наиболее полно наш современник описан в романах предыдущей генерации многословных сребролюбцев – Чернышевского, Тургенева и Достоевского – романах, которыми, к вящему негодованию Александра Глебовича, пичкали и отчасти продолжают пичкать несчастных школьников.

Вот, например, цитата: “Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта”. Или вот: “И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взялся, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это всё романтизм, чепуха, гниль, искусство”. Читая это, так и слышишь знаменитый прокуренный баритон с озорными нотками, так и видишь знакомую ещё со времён “600 секунд” кривую ухмылку. Между тем, эти абсолютно невзоровские тирады производит не кто иной, как покрытый хрестоматийным хитином Евгений Базаров. Этот тургеневский герой, на первый взгляд, и есть главная литературная матрица, по которой сделан Александр Невзоров образца десятых годов XXI века.

“Мы, физиологи, знаем...” – то и дело вторит он Базарову, хотя столь смелое самоотжествление бывшего журналиста-самородка с учёными-естественниками едва ли может быть оправдано даже изрядным количеством освоенных монографий и произведённых домашних опытов по вскрытию трупов. Но это неважно, Базаров на момент произнесения вышеприведённых сентенций тоже не ахти какая птица – всего лишь студент-медик. Двух героев объединяет не только потрясающий апломб, но, прежде всего, общность демонстрируемых мировоззренческих установок, нацеленные на упрощение человеческой природы и действительности вообще, этакий натур-большевизм. Не говоря о любимом хобби обоих: жёстком сарказме, направленном на всех и всяческих идеалистов-гуманитариев вроде господ Кирсановых. Ещё один штришок к двойному портрету – перманентное курение на публику. Сегодня, в эпоху культа ЗОЖ, это тоже вызов.

Легко представить, какую кислую мину делал Базаров, когда при нём произносили слова “идеал”, “культура”, “принципы”. Таков и Невзоров. При слове “духовность” он хватается за микроскоп. Смысл этого понятия наш герой определяет апофатически: “Духовность – это незнание астрономии и астрофизики, это полное невежество в вопросах молекулярной биологии, физиологии, структурной геологии”⁶. Прекраснодушный аристократ Павел Кирсанов брюзжит о плебее Базарове: “В принципы не верит, а в лягушек верит”. “Молекулярная биология гена мне больше расскажет о человеке!” – огрызается претендующий на аристократизм Невзоров. И он-таки прав: если

свести феномен человека к учебнику зоологии, то никаких принципов не нужно. Молешотовы афоризмы “Человек есть то, что он ест” и “Без фосфора нет мысли” абсолютно истинны. И почему бы в антропологических рассуждениях не ограничиться этими аксиомами? В конце концов, каждый имеет право служить любым богам, в том числе воздвигнутому ещё в эпоху Просвещения светлоликому идолу Разума. Смущает лишь то, что Базаров, в сущности, мальчишка. Студенту простителен ригоризм. Подростковый негативизм – болезнь роста, она излечивается со временем. Непросто смириться с мыслью, что Невзоров – многоопытный, основательно и затейливо поживший человек – на закате дней упёрся в то, что принято называть “вульгарным материализмом”, чего брезгливо сторонились даже марксисты-ленинцы.

Как и состарившийся за полтора века Базаров, Невзоров обескураживающе архаичен. Точнее, анахроничен. Он увлечённо изобретает позитивистский велосипед, как будто не было XIX столетия с его культом естественных наук и гиперкритицизмом в области наук гуманитарных. Его суждения о науке и религии легко укладываются в поросшее мхом прокрустово ложе русского нигилизма. Перед нами набор идей “критически мыслящей личности” в духе героев ещё одного романа из советской школьной программы – “Что делать”? Того самого, что “перепыхал” Володю Ульянова.

От позитивизма до социал-дарвинизма – один шаг. Вспомним, как страстно Базаров нахваливает немцев – немецкая наука в середине XIX века, действительно, самая продвинутая. Именно немцем он к концу столетия и воскресает – в чеховской “Дуэли”, во многом пародирующей “Отцов и детей”. Зоолог фон Корен – ещё одно ретроспективное литературное воплощение Невзорова. Фон Корен не просто “социал-биолог”, невнимательно прочитавший Дарвина и механически переносящий закономерности естественного отбора и борьбы за существование на человеческое общество. Он тоже первоклассный провокатор, с наслаждением эпатирующий добродушных обывателей высказываниями в духе грядущих национал-социалистов.

Примечательно, что из всех классиков больше всего перепадает от Невзорова не Тургеневу с Чернышевским, не Чехову, а Достоевскому. Фёдор Михайлович, по его словам, – “мастер лжи”. Впрочем, не совсем понятно, обвинение это или похвала: ведь умельцем манипулировать и лгать позиционирует себя и сам Невзоров. Достоевского он третирует, возможно, потому, что Фёдор Михайлович точнее и злее всех его описал. Есть у него в “Бесах” один проходной, но яркий персонаж – спятивший подпоручик. Говорится о нём следующее: “Выбросил, например, из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трёх налоев, сочинения Фохта, Молешота и Бюхнера, и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечи. По количеству найденных у него книг можно было заключить, что человек он начитанный”. Невзоров тоже очень начитанный. Правда, в списке из ста рекомендуемых им к прочтению книг нет ни одной художественной. Статьи, что касается икон, то изначально они стояли у него там, где положено.

Между тем, столь последовательно пропагандируемый Невзоровым научный стиль мышления постоянно даёт сбой. Возможно, сказывается нехватка гуманитарного, – в данном случае, исторического – образования, воспитывающего строго критическое отношение к источникам. Например, убеждённое обвинение Достоевского в педофилии, основанное на известном письме Николая Страхова Льву Толстому⁷. Тут возмутился бы и ясный защитник науки, зоолог-дарвинист Томас Гексли, подчёркивавший: “Всякое утверждение, выходящее за пределы доказуемого, является не только промахом, но преступлением”.

Другое дело – богоискательство и почвенничество Достоевского; тут воинствующему атеисту есть где разгуляться. К слову, стилистически антиклерикальные выпады Невзорова очень напоминают ленинские статьи. Вот как, например, Владимир Ильич, вскрывая “кричащие противоречия” в творчестве Льва Николаевича, отзывался о религиозных поисках “зеркала русской революции”: “проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии... культивирование самой утончённой и потому особенно омерзительной поповщины”. Трудно сказать, насколько повлияли на Невзорова классики марксизма-ленинизма, но его антицерковная риторика выдержана в духе журнала “Безбожник у станка” и пропагандистских писаний

Демьяна Бедного, а аргументы против существования Бога напоминают бронебойные доводы вроде: “Гагарин в космос летал и Бога там не видел”. В определённые моменты своих антихристианских выступлений Невзоров – это булгаковский Берлиоз, рассуждающий о Христе на Патриарших прудах.

Наличие среди российских писателей убеждённых атеистов и “борцов с поповщиной” вроде того же Чернышевского ничуть не поднимает отечественную словесность в просвещённых глазах нашего героя. “У русской классической литературы закончился срок годности”, – бескомпромиссно резюмирует он. Ничего нового в этой мысли нет – ещё некто Дмитрий Писарев, тот самый, говоривший, что сапоги выше Шекспира, в середине XIX века сбрасывал Пушкина, Лермонтова и Гоголя с парохода современности. Спустя полстолетия это попытались повторить футуристы. Однако списывать русскую классику в утиль снова оказалось делом преждевременным – она ещё жива, наша старушка, и персонажи её живее всех живых.

Что касается классиков литературы мировой, то этих Невзоров поминает не столь часто. Нельзя, однако, сказать, что к литературному наследию Европы он равнодушен: нынешний свой имидж наш герой (или его имиджмейкер) срисовал сразу с двух, казалось бы, взаимопротивных персонажей Гёте. Ложномефистофелевский образ тут причудливо сочетается с псевдофаустианским: косвенно доказывая давнее подозрение, что Фауст и Мефистофель – единое целое. Фауст и есть бес. Пошляк Мефистофель – лишь его *alter ego*, тёмная сторона личности, “тень”, по Юнгу. Эстет и сноб Фаустофель Глебович, в образе сумрачного гения позирующий за рабочим столом с натюрмортом из черепов, являет собой пример собирательного литературного героя: тут вам и сын человечий, и бес.

Внешне это бес западного, воландовского образца. Но внутри – совершенно наш, отечественный, российским пером неоднократно описанный. “Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателям или владели ими, – бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестья, бес отрицания, бес непротивления и мн., мн. другие. Все это – нигилистические бесы, давно уже терзающие Россию”, – сокрушался столетие назад Бердяев. “Бес отрицания” в этом списке едва ли не главный. Низвержение кумиров, попираание всех и всяческих ценностей всегда найдут благодарный отклик в трепетном сердце русского человека, отсюда и соблазн вскочить на этого заезженного предшественниками конька. И тут снова на ум приходит школьный курс русской литературы, а именно – монолог тургеневского Рудина: “... Отрицайте всё, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка известная. Добродушные люди сейчас готовы заключить, что вы стоите выше того, что отрицаете”. Судя по широте невзоровской аудитории, “добродушными людьми” Россия не оскудела.

Если в граничащей с фанатизмом искренности русских нигилистов больших сомнений не возникает, то в случае нашего современника невозможно определить границу между убеждениями субъекта и его публичными высказываниями. Говоря о Невзорове, помимо “отрицания” в бердяевском списке следует жирно подчеркнуть “ложь и подмену”. Есть подозрение, что на самом деле перед нами фигура подменная. Никакой не Базаров, а – Хлестаков, Базаровым притворившийся. Вот он, восставший из хрестоматии, во всей красе – и со Стивеном Хокингом на короткой ноге, и в Большой адронный коллайдер специально заглянул, чтобы понять “кое-что о природе вакуума”⁸. Тем временем его литературный двойник вторит ему из толщи гоголевского текста: “Я шутить не люблю, я им всем задам острастку... Я такой! Я не посмотрю ни на кого... Я везде, везде”.

И тут остаётся единственный вопрос: можно ли об Александре Невзорове говорить всерьёз? *Уж не пародия ли он?*

Невзоров рубежа 1980–1990-х – это настоящий, никем не придуманный “герой нашего времени”, герой в прямом, жизненном, а не литературном смысле слова. Храбрец, романтик, идеалист и одновременно талантливый провокатор, запечатлевший свою противоречивую эпоху и ставший её неотъемлемой составляющей. Но как быть, когда ваше время давно ушло? Второе или даже третье (последлошадное) пришествие Невзорова в публичное пространство состоялось в виде фарса. Из героя реального Невзоров превратился в литературного, если не опереточного. Судя по всему, публичному человеку, ушедшему в тень вместе с эпохой, вернуться в реальность (не важно –

объективную или виртуальную) возможно лишь в таком “формате”. Но и эта оболочка изнашивается, воспринимать её всерьёз уже невозможно. Медийный ресурс всякого тролля исчерпаем, у каждого возмутителя спокойствия, пользуясь невзоровской терминологией, имеется свой срок годности.

Вместе с тем, само по себе явление эволюционировавшего Невзорова симптоматично. Его антилитературный пафос рифмуется с тотальной дегуманитаризацией. Его призыв исключить художественную литературу из списка школьных предметов сегодня не так уж абсурден: для современного подростка Толстой и Чехов – скуловоротная архаика, чтение книг вообще – занятие малопривлекательное. Свято место пусто не бывает: зияющие гуманитарные лакуны заполняются смогом псевдорелигиозного мракобесия, в итоге среди символов третьего тысячелетия мы видим разрушенную Пальмиру.

Кажется, Татьяна Толстая сказала, что отношение Невзорова к русской литературе есть отказ от прямохождения. Эта метафора применима к человечеству вообще. Беда нашего времени именно в отсутствии весомой гуманитарной составляющей, уравнивающей научно-технические прорывы. Мы как будто забыли, в какие бездны ведёт прогресс техносферы, не синхронизированный с прогрессом гуманитарным. Плата за эту диспропорцию – расчеловечивание.

“Есть люди с розовых диванов, которые воспринимают мир в гламурном освещении, и полагают, что на всю жизнь они застрахованы от всех ситуаций. Я видел немало войн и катаклизмов, когда весь этот тончайший налёт цивилизованности легко стирается с человека, и он превращается снова в сообразительное животное”⁹, – тут Невзоров знает, о чём говорит. Но может быть, этот тончайший налёт – и есть то единственно ценное, за что стоит бороться и что надлежит всеми силами наращивать – в том числе, при помощи машины смыслов или, если угодно, генератора иллюзий, каковым являются литература и искусство?

Нам возразят, что именно в иллюзиях кроется дьявол, что именно гуманитарии как творцы политических идеологий повинны в разжигании наиболее страшных войн и революций. Гитлер был художником, Мао – библиотекарем и библиофилом; список можно продолжить. Но в прошлом веке именно появление массового, упрощённого человека стало причиной ниспадения Европы в новое варварство. Если что и спасёт мир, то это будет культура. Будущее без гуманитариев – это киберпанк, ставший былью. Не будем забывать слова Клода Леви-Стросса: “XXI век будет либо веком гуманитарных наук, либо его не будет вообще”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://rtvi.com/ko2/aleksandr-nevzorov/> Александр Невзоров: “Мы все – дети Мордора” // RTVi, 14 мая 2019 года.

² Ibidem.

³ <https://chto-chitat.livejournal.com/12817877.html>. “Польза” художественной литературы // Chto_chitat, livejournal. 6 сентября 2016 года.

⁴ <https://rtvi.com/ko2/aleksandr-nevzorov/> Александр Невзоров: “Мы все – дети Мордора” // RTVi, 14 мая 2019 года.

⁵ <https://snob.ru/profile/20736/blog/76791>. У русской литературы закончился срок годности // Сноб. 29 мая 2014 года.

⁶ Там же.

⁷ Письмо Н. Н. Страхова к гр. Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 года, напечатано в журнале “Современный мир” в октябре 1913 года. Николай Николаевич Страхов – философ, публицист и литературный критик. В своём письме Льву Толстому он, в частности, писал следующее: “Его тянуло к пакосям, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка”.

⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=zcjKJ7FHDLM>. Интервью Юрию Дудю. 30 января 2018 года.

⁹ https://life.ru/t/%D0%B7%D0%B2%D1%83%D0%BA/923935/nievzorov_umieniie_vskryt_zhivotnoie_dlia_dietiei_vazhnieie_znaniia_stishkov_o_lukomorie “Невзоров: Умение вскрыть животное для детей важнее знания стишков о Лукоморье” // Life. 29 октября 2016 года.